

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА арестованного Дужий Николая Афанасьевича¹

Дужий Николай Афанасьевич, 1901 года рождения, уроженец села Карив, Рава-Русского района, Львовской области, из крестьян-середняков, служащий, с высшим образованием (в 1931 году окончил Львовский университет — философский факультет), с 1944 года являлся участником УПА, имеет звание «сотник» УПА, последнее время являлся ответственным редактором военно-политических изданий УПА, награжден «Бронзовым крестом заслуги», холост, постоянных мест жительства не имеет, как участник ОУН-УПА находился в подпольи.

от 19 июня 1945 года
(допрос начат в 20 часов)

Вопрос: Расскажите кратко свою биографию.

Ответ: Родился в 1901 году в с. Карив, Рава-Русского района, Львовской области, в семье крестьянина бедняка, семья которого состояла из 6 человек детей — т.е. 3-х сыновей и 3-х дочерей.

Отец — Дужий Афанасий Кирилович умер в 1932 году в селе Карив, т.е. по месту постоянного жительства.

Мать — Дужая Просковья Мироновна также умерла в 1942 году. Брат — Дужий Иван Афанасиевич умер в 1941 году и сестра

¹ ПРИМІТКУ ТРЕБА ЗКОРЕКТУВАТИ!!!

У копії цього документу, яку я отримав з Архіву СБ України, бракувало 1-ї сторінки. (є набрана В.Ч.) Також бракувало відбитки текстів, що, мабуть, були на звороті стор. 5, 10 і ???. Цих бракуючих сторінок не вдалося отримати через працівників НУА НАН України перед редакційним викінченням цього тому. Через це передруковуємо цей документ без тексту на цих сторінках, лише відзначаємо де є пропуски в передруку. Заголовок і позиції дані відтворено за зразками інших протоколів, які отримано з Архіву СБ України.(Є.Ш.)

Дужая-Казак Анна Афанасьевна умерла в 1936 году, таким образом в живых сейчас находятся, кроме меня — брат — Дужий Петр Афанасьевич и две сестры: Баран Мария Афанасьевна и Сайчук Елена Афанасьевна, первый постоянно места жительства не имел, находился в подполье и арестован вместе со мной, а сестры постоянно проживают в селе Карив Рава-Русского района Львовской области, где занимаются домашним хозяйством.

В 1918 году в ноябре месяце я добровольно вступил в УГА Украинская Галицийская Армия, где находился до 1920 года в качестве подхорунжего, при реорганизации последней я остался в 1-й бригаде Красных Украинских Сичевых Стрильцев, действовав-

шей против поляков в районе Чудново, где был взят поляками в плен. После освобождения из плена я, как бывший гимназист-отличник, но отставший от учебы, начал заниматься самоподготовкой, чтобы держать экзамен экстерном, в результате в 1921 году я сдал экстерном экзамен и, получив документы об окончании гимназии, поступил на философский факультет Львовского Украинского Университета, который и окончил в 1924 г.

В декабре месяце 1924 года я был призван в польскую армию, 26 пехотный полк, где на протяжении 7-ми месяцев служил рядовым солдатом, а потом был послан в школу подхорунжих при 6 корпусе, дислоцировавшуюся в городе Залищики, сам 6 корпус дислоцировался в г. Львове. В школе я находился в течени[e] 9 месяцев и, окончив последнюю, получил звание сержанта и был возвращен на практику в 26 пехотный полк, где ввиду отсутствия офицерского состава я, на протяжении 2-х месяцев, замещал довудце компании (командира роты), после чего в июне месяце 1926 года был демобилизован и без повышения в во[инск]ом звании зачислен в резерв.

Демобилизовавшись из армии, я не имел возможности поступить на работу по своей специальности учителя, так как Украинский Университет польскими властями не признавался как государственный университет. Я вынужден был снова поступить в польский государственный университет им. Яна Казимира, который и окончил в 1932 году.

После окончания университета я, как украинец, снова не мог получить работу по специальности учителя, но еще будучи студентом и предвидя трудности в получении работы после окончания университета я, начиная с 1929 года, поддерживал связи с существовавшим в гор. Львове аполитическим товариществом культурного образования украинского населения, именовавшимся “Просвита”, в результате чего в 1931 году я был избран членом Главного Правления товарищества “Просвита”, в какой должности и работал до 1933 г., а с 1933 года по 1939 год я также по выборам работал секретарем товарищества “Просвита” и так как эти выборные должности не оплачивались, то я наряду с ними выполнял ряд должностей технического аппарата, как-то по ведению канцелярии, корректированию разных писем и впоследствии редактора журнала “Просвита”.

Вопрос: Где Вы находились и чем занимались с 1939 по 1941 год, т.е. до возникновения войны?

Ответ: При вступлении Красной Армии в гор. Львов я находился в последнем. По истечении некоторого времени, когда органами советской власти были арестованы некоторые видные украинские деятели я, боясь быть арестованным за свою работу в “Просвите”, решил выехать из гор. Львова. В осуществление своего решения я, в октябре месяце 1939 года, вместе со своим младшим братом — Дужим Петром Афанасьевичем, прибывшим ко мне из с. Карив, выехали на территорию Холмщины, оккупированной к тому времени немецкими войсками.

Вопрос: Чем Вы занялись по прибытии на Холмщину?

Ответ: Прибыв на Холмщину в гор. Томашев, я занялся организацией работы “Просвита”, где и проработал до лета 1940 года.

Летом 1940 года я по приглашению профессора-доктора Кубиевича, работавшего в то время проводником Украинского центрального комитета, находившегося в городе Кракове, выехал в гор. Краков, где по предложению последнего занял пост референта отдела культурного труда УЦК. В этой должности я находился до начала июня месяца 1941 года, а затем в силу возникшего у меня

с Кубиевичем конфликта, я вышел из УЦК и снова возвратился на Холмщину, где и был до начала войны между Германией и СССР и оккупацией немцами гор. Львова. Находясь на Холмщине я, в силу плохого здоровья, нигде не работал.

Вопрос: На почве чего у Вас с Кубиевичем возник конфликт, в результате которого Вы вышли из УЦК?

Ответ: В руководстве низовых, так называемых “Украинских освитных товариствах”, организованных УЦК вместо ликвидированной немцами “Просвиты”, как правило находились лучшие люди — украинцы. Этим людей немцы под разными предложениями начали арестовывать. Я начал просить Кубиевича, чтобы последний встал на защиту арестованных и добивался их освобождения, но Кубиевич никаких мер по этому вопросу не принимал. Поэтому я высказал Кубиевичу, что при Польше существовало соглашательское УНДО и что если бы УЦК хотя бы наполовину делал то, что делало УНДО в защиту украинского народа, то я был бы спокоен. Кубиевич обиделся, что я начал сравнивать УНДО с УЦК и стал питать ко мне недовольствие. В 1941 году мною была издана на средства УЦК небольшая книжонка 16-20 страниц под названием “Українське Море” — я имел в виду Черное Море. Эта книжонка была издана без ведома шефа пропаганды Генерал-губернаторства, который, узнав об этом, начал питать ко мне какое-то недоверие. Я, услышав от последнего по своему адресу угрозы, начал бояться, что может последовать арест и что в случае ареста я от УЦК в лице Кубиевича защиты не получу, как не получили другие украинцы, тоже арестованные; поэтому я в 1941 году вышел из УЦК.

Вопрос: Чем же Вы занялись при оккупации немцами западных областей Украины?

Ответ: С первых же дней оккупации немецкими войсками гор. Львова я приехал в последний, имея целью заняться возрождением организации “Просвита”.

Организация “Просвита” во все время ее существования являлась объектом, за овладение которым велась борьба между политическими партиями, в частности между УНДО, радикалами, к[лер]икалами.

Такое стремление склонить “Просвиту” на сторону партийности было проявлено и в 1941 году со стороны ОУН.

Как только я приехал в гор. Львов и занялся организацией “Просвиты”, я был вызван в отдел пропаганды Центрального Прово-

да ОУН — существовавшей в то время легально и находившейся по улице Подвальной. В отделе пропаганды со мной говорил профессор Ленкавский, который, ознакомившись с тем, что я занимаюсь возрождением организации “Просвита”, предложил мне, чтобы работа “Просвиты” не была направлена против ОУН и чтобы “Просвита” не попала под влияние украинских националистов Мельниковского течения, так как к этому времени в ОУН произошел раскол, последняя раскололась на два течения: Бандеровское и Мельниковское. Лично я не примыкал ни к тому, ни к другому течению.

Ленкавский также предложил мне возглавить “Просвиту”, но я от этого предложения отказался в силу того, что это шло бы вразрез демократического принципа выборов руководства “Просвиты”. Поэтому мы с Ленкавским договорились, что возглавлять “Просвиту” будет ее старый руководитель — бывший председатель Главного Правления “Просвиты” — доктор Брик Иван, а я останусь секретарем “Просвиты” и со своей стороны буду влиять на доктора Брик в том направлении, чтобы “Просвита” не попала под влияние Мельниковцев и о работе “Просвиты” я дал согласие информировать Ленкавского.

В этой же беседе Ленкавский предложил мне вступить в члены ОУН, на что я дал согласие и написал заявление о приеме меня в члены ОУН, которое и передал Ленкавскому. С этого времени, т.е. с июля 1941 г. я и считаю себя членом ОУН.

Вопрос: К каким партиям, организациям и политформированиям Вы принадлежали до вступления в ОУН?

Ответ: До вступления в члены ОУН я ни в каких партиях, организациях и политформированиях не состоял.

Вопрос: Проживая на территории Польши, Вы арестовывались польскими властями?

Ответ: Да, польскими властями арестовывался дважды.

Вопрос: Расскажите о причинах и последствиях Вашего ареста. [...]²

Ответ: В ОУН я был рядовым членом и никакой работы не выполнял.

Вопрос: Чем Вы занимались в период оккупации немецкими захватчиками гор. Львова?

² В нашій копії бракувало відбитки 15 аркуша справи. Короткий зміст цього аркуша подаємо за нотатками Володимира Мороза, що працював з цим документом: У 1940 р. мати, брат Іван та його дружина Меланія були заарештовані. Мати померла на засланні в 1942 р., брат — ще в слідчій тюрмі.

Ответ: Как я уже показал, прибыв во Львов, я сразу приступил к налаживанию работы “Просвиты” и работал в последней в качестве секретаря до апреля 1942 года, т.е. до момента ликвидации “Просвиты”.

После ликвидации немцами “Просвиты” я, по приглашению магистра Кушнир Михаила, работавшего в УЦК в качестве заведомо культурного труда, поступил работать в вверенный ему отдел в качестве методиста, в какой должности и работал до марта месяца 1944 года.

Вопрос: Вы показали, что в ОУН являлись рядовым членом и никакой работы не выполняли. А как же обстояло дело с информацией Центрального Провода ОУН о работе “Просвиты”? Ведь Вы обещали Ленкавскому информировать его и этим самым работать в пользу ОУН.

Ответ: Да, я подтверждаю, что был только рядовым членом ОУН и никакой работы в последней не выполнял. Что касается моей информацией Центрального Провода ОУН о работе “Просвиты”, то такой я не проводил только лишь потому, что референт пропаганды Ленкавский в сентябре месяце 1941 года был арестован немцами и я никаких больше связей не поддерживал, если не считать, что я несколько раз встречался с одним из работников Провода по кличке “Сергей”³, о котором я никаких подробностей не знал, мне только было известно, что “Сергей” по специальности юрист и работал адвокатом.

С “Сергеем” я встречался примерно 5-6 раз, встречи проводили в здании “Просвиты” в отделе культурного труда УЦК. При встречах “Сергей” очень много говорил мне о том, что ОУН не может быть проводом украинского народа, так как ОУН состоит из узких политических кругов и что поэтому надо ставить вопрос о создании какой-то новой организации, в которую вошли бы представители разных партий и организаций, которые оттеняли бы настроения и взгляды украинского народа, при этом “Сергей” спрашивал меня, как я смотрю на его предложение и согласен ли я принять участие в деле создания новой организации. Разделяя мнение “Сергея”, я дал последнему согласие на участие в этом мероприятии. Последняя моя встреча с “Сергеем” была, если не ошибаюсь, осенью 1943 года.

³ “Сергей” — “Сергій” — Михайло Степаняк, у тому часі краєвий провідник ОУН на ЗУЗ і член Проводу ОУН.

Потом “Сергей” куда-то исчез, я, уже интересуясь судьбой последнего, узнал от Полидовича⁴, что “Сергей”, шедший в некоторых вопросах против Центрального Провода ОУН, по решению последнего из состава Провода был выведен и направлен на Волынь. Дальнейшая судьба и деятельность “Сергея” мне неизвестна.

Вопрос: Вы указали сейчас фамилию Полидовича. Расскажите, кто он.

Ответ: Полидовича я знал с 1940 года, как работника УЦК и уже позже мне стало известно, что он близко стоит к проводу ОУН и является редактором журнала “Идея и чин”, по кличке — “Карпатский”. В июле месяце 1944 года Полидович был убит немцами.

Вопрос: Продолжайте Ваши показания о дальнейшей Вашей работе и деятельности после ухода из УЦК (март 1944 года).

Ответ: В связи с наступлением Красной Армии и бегством немецких властей в свой глубокий тыл, УЦК также начал подготавливаться к выезду в Краков. Я пролучил предложение выехать в Краков, но от последнего отказался, в результате я оказался без работы, но когда я еще работал, это было примерно в 20-х числах марта месяца 1944 года, то Полидович как-то сказал мне, что ко мне зайдет какой-то военный из УПА по важному делу. И действительно, на второй день после разговора с Полидовичем ко мне в УЦК пришел неизвестный, который представился представителем Краевого Штаба УПА “Шелестом”⁵ и тут же предложил мне выехать с ним в Карпаты с тем, чтобы влиться в УПА, в результате наших разговоров я от поездки, по разным мотивам, отказался.

В июне месяце 1944 года, когда я уже был без работы, я был вызван в гестапо, где мне было предложено вступить в формировавшуюся немцами “СС дивизию Галичина” и сразу же отправиться в Гайделягер (Чехословакия) в старшинскую школу. Уйдя из гестапо, я принял решение в “СС дивизию Галичина” не идти. Но не зная, что делать дальше, так как гестапо будет меня преследовать, я начал скрываться.

Через пару дней я встретился со своим старым знакомым еще по Холмщине — Чечкевичем Михаилом⁶ — инструктором физкультуры.

⁴ Палідович — Михайло Палідович (“Денис”, “Карпатський”), член КП ОУН ЗУЗ, редактор журналу *Ідея і чин* у 1944.

⁵ “Шелест” — полк. Василь Сидор (“Крегул”, “Виштий”), к-р УПА-Захід.

⁶ Михайло Чечкевич — це прибране прізвище пполк. Михайла Медведя (“Карповича”), “Кремiня”, яке він вживав на еміграції в ГГ десь 1939-1941.

туры, которому я рассказал о своем положении. Чечкевич, выслушав меня, заявил, что он является участником УПА, где занимал должность шефа штаба УПА “Пивнич”. Но сейчас временно находится на территории УПА “Захид” и тут же предложил мне вступить в УПА и вместе с ним выехать в штаб.

Получив мое согласие, Чечкевич предложил мне взять с собой имевшиеся у меня словари и энциклопедию, которые мне будут нужны. Собравшись, я с Чечкевичем выехал с целью добраться до штаба УПА. В пути следования я от Чечкевича узнал, что он имеет организационный псевдоним “Карпович” и временно является референтом военнополитических изданий Главного Штаба УПА.

По предложению Чечкевича — “Карпович” я также избрал себе организационный псевдоним “Выровый”, которым и пользовался до дня ареста.

Примерно 20 июля 1944 года, как я уже сказал, я на подводе, вместе с “Карповичем” выехал на Дрогобыччину, имея дальнейшей целью пробраться в Карпаты, чтобы там укрыться на время прохождения фронта.

В одном лесу на Дрогобыччине мы встретились с четой “Аркадия”, где также находился и командир Военного Округа-5 “Дзвинчук”⁷.

Некоторое время мы находились при этой чете, я сидел без дела и занимался изучением оружия, потом по поручению “Карповича” я корректировал переведенную с польского на украинский язык инструкцию партизанской борьбы, которая так и не была сдана в печать, т. к. будучи однажды окруженными войсками Красной Армии я при бегстве оставил ее, вместе с вещмешком, в лесу.

В октябре месяце 1944 года командиром УПА “Захид” — “Шелестом” я был назначен редактором военнополитических изданий УПА “Захид” и уже в феврале 1945 года я был утвержден командиром УПА “Чупрынкою Тарасом” — “Тур” на эту же должность, но в масштабе всей УПА.

В октябре месяце 1944 года я, вместе с “Карпович”, возвращаясь с Карпат, приехал на территорию Ново-Стрелищанского района Дрогобычской Области, где в селе Девятники нашел своего родного брата Дужого Петра, который, как и я, находился в подполье и работал в качестве референта пропаганды Центрального Провода ОУН.

⁷ “Дзвінчук” — сотн. Іван Белейлович, к-р 5 дрогобицької ВО УПА.

Связавшись с братом — Дужим Петром Афанасьевичем и договорившись о совместной работе, я сначала с “Карповичем” скрывался в лесу, а потом, уже в марте месяце 1945 года перешел в специально приспособленное подземное убежище, находившееся в с. Девятники.

Находясь на территории Ново-Стрелищанского района я, при помощи “Карповича”, подготовил и передал в печать 4 номера журнала “Повстанец”, которые и вышли из печати, также мною были подготовлены материалы к 5 и 6 номеру журнала “Повстанец”, которые должны выйти из печати в июне месяце с/года.

Подготовленные материалы к печати переданы брату Дужому Петру для дальнейшего направления по связи, по адресу №123/45, это адрес одной из типографий, но где последняя находится, мне неизвестно.

Кроме редактирования журнала “Повстанец”, мною в этот же период времени был откорректирован переведенный с русского на украинский язык, но не знаю кем, “Боевой Устав Пехоты”, который был сдан в печать и по выходе из печати был штабом УПА распространен по отделам УПА.

Работая редактором военнополитических изданий УПА, мне также приходилось редактировать отдельные статьи для последних номеров журналов “Идея и чин” и “За самостійну Українську Державу”, издаваемых Центральным Проводом ОУН.

Редактором этих журналов является член Центрального Провода политический референт по кличке “Зруб”⁸, который и присылал для просмотра моему брату Дужему поступавшие к нему для указанных выше журналов статьи. Просмотренные Дужим Петром и мною статьи последний возвращал обратно “Зруб”.

Вопрос: Какие лично Ваши статьи помещены в вышеназванных журналах?

Ответ: В журнале “Идея и чин” № 8 под псевдонимом “МК” помещена моя статья “Українська Головна Визвольна Рада”, окончание которой, отдельный абзац, написан не мной, а “Зрубом”.

В журналах “Повстанец” под тем же псевдонимом “МК” помещены мои статьи:

⁸ “Зруб” — Дмитро Маївський (“Тарас”, “Курган”, “Ом”), член БП ОУН, політичний референт Проводу ОУН і редактор журналу *Ідея і чин* та газети *За самостійну Україну*.

1. “Повстанец” № 1 стр. 5 “Единый политичный провид соборной України”, стр. 7 — “Незабутні хвилини”.

2. “Повстанец” № 1 (2) стр. 1 — “Самостійна і соборна державність України”. Стр. 3 — “Українські Тер[м]опілі — вічнославні Крути”.

3. “Повстанец” № 3 стр. 1 “На допомогу рідним землякам” (заклик УГВР за кордоном), стр. 23 “Вивчаймо м[и]стецтво збройної боротьби”.

4. “Повстанец” № 4, стр. 1 “Повстанський дух України” (В Шевченкові роковини).

Других статей я не писал.

Вопрос: Что Вы подразумевали под псевдонимом “МК”?

Ответ: Мое имя Микола, а происхожу из села Карив, поэтому я подразумевал “Микола Карівський”.

Вопрос: Когда, где и при каких обстоятельствах вы были задержаны?

Ответ: Как я уже показал, на территорию Ново-Стрелищанского района прибыл из Карпат вместе с “Кремиль”, “Карповичем”. По восстановлении связи с моим братом Дужим Петром, членом Центрального Провода ОУН я, первое время, скрывался в лесу и следующих селах: Юшковцы, Девятники, Ятвяги, Голдовычи, Калиновка, а уже в марте месяце с/года, когда по указанию Дужого Петра в с. Девятники был отстроен надежный схрон (подземное убежище) я с “Кременем” перешел жить в это, вновь отстроенное убежище, в котором уже находились: Филипповский — “Олег”, Сусик Дмитрий — “Рышард”, Пелинский — “Андрій”, Мартын Мирослав — “Йовген” — “Улас” и в конце марта 1945 года к нам пришел, вместе со своей сожительницей Юрчак Марией мой брат — Дужий Петр.

В этом схроне мы находились до 4.VI.45 года, а 4.VI. в селе Девятники войсками НКВД была проведена облава, в результате которой был обнаружен наш схрон. По обнаружении схрона мы, не желая сдаться, пытались по заранее приготовленной тунели выйти в соседний двор и незаметно скрыться, но так как выход тунели был не проделан и для его проделки требовалось время, а окружившие нас, видя, что их требование не выполняется, бросили в схрон гранаты, от взорвавшихся гранат пошли газы в тунель, где и так не было доступа воздуха, в результате чего мы все потеряли сознание и были извлечены из схрона в полумертвом состоянии.

Вопрос: Кто же находился в схроне в момент вашего задержания?

Ответ: Вместе со мной в схроне находились и были извлечены:

1. Дужий Петр Афанасьевич, 1916 года рождения, по кличкам — “Аркадий”, “Дорош”, “Павлович”, “Виталий”, “Орест”. Положение в ОУН — член Центрального Провода — референт пропаганды последнего.

2. Чечкевич Михаил, по псевдониму “Кремень”, “Карпович”, положение в ОУН — в прошлом шеф военного штаба УПА “Пивнич”, референт военных изданий УПА и с конца мая месяца 1945 года он являлся моим помо[щ]ником, т.е. помощником редактора военнополитических изданий УПА и одновременно он также был помощником по пропаганде по линии УПА у моего брата Дужого Петра — референта пропаганды Центрального Провода ОУН.

3. Мартын Мирослав, по псевдониму “Евген”, “Улан”, “Игорь” — обеспечивал нашу группу продвещснабжением, медобслуживанием, принимал также участие в сооружении схрона.

4. Пеленский, имени отчества не знаю, по псевдонимам “Гонтарь”, “Андрей”, “Олекса”, в прошлом четовой УПА, последнее время у “Аркадия” был в личной охране и связником, принимал участие в сооружении схрона.

5. Филипповский Николай, по псевдониму “Олег”, уроженец села Девятники, Ново-Стрелищанского района, Дрогобычской области, хозяин двора, в котором находился схрон, его положение, вернее принадлежность к ОУН мне неизвестна, участником УПА не являлся, но уклонился от призыва в Красную Армию, в силу чего и скрывался от органов Советской власти.

6. Сусик Дмитрий, по псевдониму “Ришард”, уроженец и житель села Девятники, Ново-Стрелищанского района Дрогобычской области, уклонившийся от призыва в Красную Армию вместе с Филипповским, родственником которого он являлся, строил схрон, в котором скрывался и задержан.

7. Юрчак Мария Павловна, по псевдониму “Ульяна”, откуда происходит не знаю, сожительница моего брата Дужого Петра — “Аркадия”, находясь в схроне, занималась хозяйственными делами и работала на пишущей машинке, как машинистка.

Вопрос: В схроне, в котором вы скрывались, было обнаружено большое количество националистической литературы, разной переписки, а также оружие и деньги. Кому все это принадлежало?

Ответ: Изъятое при нашем аресте в схроне — принадлежит:

а) литература и переписка — это часть библиотеки и архива референтуры пропаганды Центрального Провода ОУН.

б) Деньги, точной суммы не знаю, но во всяком случае более 50000 руб., были получены “Аркадием”, откуда не знаю и подлежали переотправке в Центральный Провод “Зруб”.

в) Оружие принадлежит задержанным в схроне, в частности мне принадлежали: автомат немецкого образца и пистолет, которые я получил от “Кременя” — “Карповича”.

Вопрос: Сколько всего было оружия в схроне?

Ответ: В схроне находилось:

Автоматов.....7 шт.

Пистолетов.....9 шт.

Гранат.....3 или 4 шт.

Вопрос: Расскажите подробно структуре УПА, ее руководящем составе и месте нахождения формирований банд УПА.

Ответ: О структуре УПА мне известно следующее:

Во главе УПА стоит ИО главнокомандующего по фамилии Шухевич Роман, по псевдониму “Тарас Чупрынка”, он же “Тур” — последний является членом Центрального Провода ОУН, происходит из гор. Львова, имеет высшее образование, с ним лично я знаком с 1944 года, последний раз я его видел в марте месяце 1945 года в селе Девятники, при посещении им моего брата — Дужого Петра — “Аркадия” — который руководит УПА через свой штаб, во главе штаба стоит ИО шефа штаба по кличке “Перебийнис” — “Палий”¹⁰, последний сменил в 1944 году ИО шефа штаба “Лицаря”¹¹.

С “Перебийносом” я знаком с 1944 г. и последний раз видел его в апреле с/года при посещении им моего брата Дужого Петра, в с.Девятники Ново-Стрелищанского района.

Других лиц из главного штаба УПА я не знаю.

УПА делится на:

УПА — “Захид” — это Галиция, во главе которой стоит ИО главнокомандующего по кличке “Р. Шелест”, он же “Крегул” — со своим штабом.

УПА — “Пивнич” — это Волынь и Полесье, во главе которой

¹⁰ “Перебийніс” — ген. Дмитро Грицай (“Палій”), шеф ГВШ УПА.

¹¹ “Лицар” — полк. Олекса Гасин, шеф ГВШ УПА.

стоял ИО главнокомандующего “Охрим”¹², последний в феврале сего года убит советскими войсками и кто остался за него, мне неизвестно.

УПА — “Пивдень” — это Каменец-Подольщина и, очевидно, Винничина, — кто там главнокомандующий, мне неизвестно.

Из названных группировок активно действовали УПА “Захид” и “Пивнич”, что касается УПА “Пивдень”, то последняя разбита советскими войсками еще в половине 1944 года и сейчас ее активность незначительная.

Перечисленные группировки делятся на Военные округа, что приравнивается к административному делению советских областей.

Из командующих военными округами я знаю только ИО командующего Дрогобычского округа — это “Дзвинчук”, настоящей фамилии которого я не знаю.

С “Дзвинчуком” последний раз я встречался в октябре 1944 года на территории Николаево-Надднестровского района Львовской области.

На территории военных округов в 1944 году и в начале 1945 года действовали тактические единицы, именуемые куренями, что равняется батальону.

Практика УПА показала, что иметь курени, как тактические боевые единицы невыгодно, и невыгодно потому, что им трудно укрываться от всегда преследующих советских войск, в результате чего они, попадая под удары советских войск — уничтожались. Другое положение, заставившее отказаться от куреней, это вопрос снабжения.

Советские войска вскрыли все склады с запасами продовольствия и этим самым лишили УПА организованного снабжения, таким образом командованием УПА были даны указания расформировать курени, в результате чего начали действовать отдельные сотни и уже последнее время даже отдельные четы и боевки самообороны, этим самым УПА стала на путь наименьшего проявления своей инициативы в совершении организованных налетов, но перешла к отдельным террористическим актам.

Еще за месяц до моего ареста мне было известно от “Шелеста”, что на территории Станиславской области в так называемом “Черном Лесу” куренной “Ризун”¹³ имел два полностью сформиро-

¹² “Охрим” — полк. Дмитро Клячківський (Клим Савур), к-р ГК УПА 1942-1943 і УПА-Північ 1944-1945.

¹³ “Різун” — полк. Василь Адрусак (“Грегіт”), к-р станіславського ТВ УПА “Чорний ліс”.

ванных куреня и третий формировавшийся, о дальнейших намерениях и действиях “Ризуна” “Шелест” мне ничего не сказал.

С “Ризуном” я лично познакомился 5 августа 1944 года во время принятия его сотней присяги, эту церемонию я описал в своей статье “Незабутні хвилини”, помещенной в журнале “Повстанець” № 1 за XI месяц 1944 г.

“Ризун” обладает большими организаторскими способностями, образование имеет среднее, происходит откуда-то из Карпат.

Мне также известна сотня “Месники”, которую возглавляет “Благой”. Эта сотня в моем присутствии 6.VIII.1944 года принимала присягу в районе с. Ясинка Масьова, Туркинского района Дрогобычской области.

Я назвал сотни, которые я лично видел, но наряду с ними действовали и другие, но я их названий, а также их главарей сейчас не помню.

Вопрос: За время своего пребывания в УПА в каких вы сотнях находились, когда и где принимали участие в боестолкновениях против советских войск?

Ответ: За время своего пребывания в УПА я находился:

С июня по июль месяц 1944 года в охранной чете командира Дрогобычского военного округа “Дзвинчука”.

С июля 1944 года по 25.VIII.1944 года в охранной чете референта военнополитических изданий “Карповича” — “Кременя”, а 25.VIII.1944 года эта чета была окружена в районе села Орив, Скольского района Дрогобычской области и уничтожена советскими войсками, я с “Кременем” спасся бегством и еще с 10 участниками УПА с этого района перешел в Ново-Стрелищанский р-н.

В других сотнях УПА я не был и в боях не участвовал.

Вопрос: Вы сказали, что кроме уже названных вами руководителей УПА вы больше никого не знаете. Это неправда. Следствию известно, что вы знаете и других руководителей УПА, следствие напоминает вам одного из них, это “Андриенко”¹⁴.

Расскажите, кто такой “Андриенко” и где он находится.

Ответ: Да, “Андриенко” я знаю и о нем могу рассказать следующее, что в основном мне известно от “Перебийноса” и “Кременя”.

¹⁴ “Адрієнко” — Олександр Луцький (“Богун”), пор. — к-р УНС (1943) і член ГВШ УПА (1944).

“Андриенко” в период немецкой оккупации Галиции был членом главного штаба УПА. В начале 1944 г. он был арестован немцами, обстоятельства его ареста мне неизвестны, как неизвестны обстоятельства и время его освобождения от немецкого ареста. Знаю только одно, что после освобождения из-под ареста Главное командование УПА питало к “Андриенко” недоверие и я, не зная официально, боюсь утверждать, что после освобождения он, т.е. “Андриенко” сохранил свое положение в главном штабе УПА, однако и до последнего времени “Андриенко” был близок к членам главного штаба УПА, как-то “Перебийносу” и “Лицарю”. Последний раз я всех их троих видел в декабре месяце 1944 года в с. Калиновка Ново-Стрелищанского района, когда они ехали, как мне кажется, на Станиславщину.

В феврале-марте 1945 года нам стало известно из поступившего письменного сообщения, что “Андриенко”, находясь на территории одного из районов Станиславской области вместе со своей женой, был арестован советским отрядом. Задержание “Андриенко” произошло, якобы, при следующих обстоятельствах: на территории того же района, где находился “Андриенко”, а это было в селе, вдруг появилась неизвестная “Андриенко” сотня УПА, которая там же и расквартировалась. Желая проверить, что за сотня, “Андриенко” вместе со своей женой решил пойти и выяснить. Следуя по селу, “Андриенко” был задержан бойцами и, принимая последних за участников УПА, “Андриенко”, возмущаясь их поведением, потребовал провести его к командиру, где в результате был разоблачен и арестован, так как сотня, которую он шел проверять, была не из УПА, а какое-то воинское или партизанское советское подразделение. Эти же данные я лично слышал в апреле месяце с/г от “Перебийноса”.

Вопрос: Назовите настоящую фамилию “Андриенко” и что вы знаете о нем еще?

Ответ: Настоящей фамилии “Андриенко”, как и других его биографических данных, я не знаю, я только упустил сказать, что его последний псевдоним был “Богун”.

Вопрос: Почему вы сразу не рассказали об “Андриенко”?

Ответ: Об “Андриенко” я умолчал потому, что считал, что следствию о нем, как ранее арестованном, уже известно.

Вопрос: Следствие еще раз требует прекратить ваши заипательства и извороты и назвать всех известных вам руководителей банд УПА и их штабов.

Ответ: Кроме вышеуказанных мною руководителей банд УПА и их штабов я больше никого не знаю.

Вопрос: Расскажите о структуре ОУН ЗУЗ и назовите руководящий состав проводов и референтур.

Ответ: Во главе ОУН ЗУЗ стоит Краевой провод, который имеет референтуры. Из них мне известны:

1. Политическая.

2. Пропаганды.

3. Военная. Краевой провод ОУН ЗУЗ возглавляет проводник под псевдонимом “Петро”¹⁵, действительная фамилия и другие его биографические данные мне неизвестны.

С “Петром” я лично встречался дважды. Первый раз в ноябре 1944 года в с. Юшковцах, второй раз в апреле месяце 1945 года в селе Девятниках.

Из руководства вышеназванных мною референтур краевого провода я знаю только военного референта — это ИО командующего УПА “Запад” “Р. Шелеста”.

Краевой провод сверху до низу делится на:

Области

Округа

Повиты-надрайоны

Районы, — в которых соответственно краевому проводу имеются референтуры, а в районы входят еще кущи самообороны.

Из названных мною административных оуновских единиц я знаю только областных проводников:

1. Проводник ОУН Львовской области по псевдониму “Золотарь”¹⁶.

2. Проводник ОУН Тернопольской области по псевдониму “Данило”¹⁷.

3. Проводник ОУН Станиславской области по псевдониму “Роберт”¹⁸.

4. Проводник ОУН по Дрогобычской области по псевдониму “Шпак”.

¹⁵ “Петро” (“Масксим”) — Роман Кравчук, пров. КП ОУН ЗУЗ.

¹⁶ “Золотар” — Дмитро Йосипович Слюзар, нар. 1919 р. в с. Бортники Жидачівського р-ну — обл. Львівської обл. Загинув у бої з військами НКВД 19 грудня 1945 р. в с. Беліди Жовківського р-ну разом з ндр. Жовківщини Петром Вітюком (“Володимирком”, “Пройдисвітом”) і вояками їхньої охорони.

¹⁷ “Данило” — Іван Шайнога (Шанайда?), обл. Тернопільської обл.

¹⁸ “Роберт” — Ярослав Мельник, обл. Станіславської обл., згодом — кер. ОУН Карпатського краю.

Места нахождения названных проводников мне неизвестны.

Вопрос: Кого вы еще знаете из руководства оуновского подполья и где их места нахождения?

Ответ: Кроме уже названных мною я лично знаком со следующими лицами из руководящего состава:

1. Стецько Ярослав, 1909-10 года рождения, по псевдониму “Карбович”, член центрального провода ОУН, я знаком с ним по гор. Львову примерно с 1937 года, в 1941 году арестовывался немцами и содержался под стражей вместе с Бандерой в Германии, осенью 1944 года из-под стражи освобожден и в настоящее время находится за границей.

2. Лебедь Николай, по псевдониму “Максим Рубан”, бывший проводник ОУН, в настоящее время член центрального провода, находится за границей, куда выехал в июле-августе 1944 года.

3. “Иванив”¹⁹, настоящей фамилии и других биографических данных не знаю, знаком с ним с 1944 года, член центрального провода, в настоящее время находится за границей, неточно в Вене, куда выехал в августе 1944 года.

4. “Володимир”²⁰, действительной фамилии и других его биографических данных не знаю. Член центрального провода ОУН и член президиума УГВР, находится за границей, куда выехал вместе с “Максимом Рубаном”.

5. “Павленко” — “Горбенко”, настоящая фамилия Ростислав Волошин, член центрального провода ОУН, убит 25.VIII.1944 года войсками НКВД на территории Дрогобычской области.

6. “Галина” — “Киевский”²¹, настоящей фамилии и других биографических данных не знаю. Член центрального провода референт по кадрам ОУН. Находится на территории Галиции, точного места пребывания не знаю.

7. “Бистрозор”, действительной фамилии и других его биографических данных не знаю. Связной пункта связи краевого провода, место пребывания где-то на территории Тернопольской области.

8. “Мыхайло”- “Григор”²², настоящей фамилии и других биогра-

¹⁹ “Іванів” — Омелян Логуш, політичний референт КП ПУЗ, згодом член УГВР.

²⁰ “Володимир” — Мирослав Прокоп (“Гармаш”), член проводу ОУН, згодом — президії УГВР.

²¹ “Галина” (“Київський”) — Яків Бусол, член Проводу ОУН.

²² “Михайло” — Микола Арсенич (“Григор”), шеф СБ при проводі ОУН.

фических данных не знаю, лично никогда не видел, член центрального провода, шеф “СБ”, место пребывания неизвестно.

9. “Мирон”, шеф “СБ” Львовской или Дрогобычской области точно не знаю. Лично его никогда не видел и места пребывания не знаю.

10. “Лемеш”²³ — член центрального провода, о нем я много слышал, но какое он положение занимает в ОУН и где находится, не знаю, лично никогда не видел.

11. “Зруб” “Курган”, настоящей фамилии и других биографических данных не знаю. Член центрального провода ОУН политический референт, место пребывания неизвестно.

Других лиц из руководящего состава ОУН-УПА не знаю.

Показания с моих слов записаны правильно, мною лично прочитаны, в чем и расписываюсь.

[М. Дужий]²⁴

Допрос окончен 2ч.00 20 июня 1945 г.

ДУЖИЙ.

Допросил: — Зам.Начальника I отделения следотдела УББ НКВД УССР капитан юстиции [...] ²⁵

Зазимко

* *

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА арестованного ДУЖИЙ Николая Афанасьевича от 1 августа 1945 года

Допрос начат в 9 ч. 15 мин.

Вопрос: Расскажите, когда, где и по чьей инициативе была организована УГВР?

Ответ: Первые сведения о существовании УГВР я получил в

²³ “Леміш” — полк. Василь Кук (“Юрко”, “Медвідь”).

²⁴ Власноручний підпис. Ним підписані також усі сторінки протоколу.

²⁵ Власноручний підпис (нечіткий).

конце июля мес. 1944 года в селе Недильно (возле ст. Самбор, Дрогобычской области) от ныне убитого войсками НКВД — Волошина Ростислава — “Павленко” — “Горбенко”, которого я лично знал с 1932 года по Львовскому университету.

С Волошиным мы с 1939 года не встречались и последний не знал, что я являюсь участником УПА. Поэтому при нашей с ним встрече, Волошин в присутствии “Володымира” удивленно сказал “и Вы здесь?” и обращаясь дальше к “Володымиру” выразил приблизительно следующее: “Можно было бы и его (т. е. меня) пригласить на большое собрание и выдвинуть в члены УГВР”.

Вопрос: Что означало сказанное Волошиным?

Ответ: Со слов Волошина я понял, что запоздалым желанием последнего было, чтобы я, как не имеющий среди украинского народа марки оуновца и вместе с тем пользовавшийся авторитетом, вошел бы в члены УГВР. Таким образом, Волошин хотел тайно обеспечить в УГВР больше мест для ОУН.

Вопрос: Продолжайте Ваши показания ?

Ответ: В дальнейшей беседе Волошин сообщил, что месяц тому назад, т.е. в июне 1944 года, представителями передового украинского гражданства со всех украинских земель создан “Украинский главный освободительный совет” (Українська Головна Визвольна Рада) — “УГОС” — (УГВР) и тут же вручил мне отпечатанную на машинке “Платформу УГВР”, в которой в трех разделах излагались: идея, цели и программные основы УГВР и “Универсал УГВР к украинскому народу”.

Давая вышеуказанное для ознакомления, Волошин кроме того обещал мне дать прочитать “Структуру УГВР” и “Протокол первого великого собрания УГВР”, но я их от него так и не получил и только осенью 1944 года “Зруб” дал мне прочитать “Структуру УГВР” и обращение (заклык) УГВР с заграницы (август 1944 года).

Итак, платформа, структура, универсал и обращение УГВР это те источники моих сведений об УГВР, на основе которых мною были написаны статьи:

1. “Українська Головна Визвольна Рада” (журнал “Идея и Чин”, № 8, 1945 года, стр. 8-12).

2. “Единый политический провод соборной Украины” (журнал “Повстанец”, № 1).

3. “На допомогу ридным землям” (обращение УГВР заграницей).

Из разговора с “Р. Волошиным” и “Володымиром” я убедился, что оба они находятся близко к делу организации УГВР (принимали в этом активное участие), как члены центрального провода ОУН. Они оба также являлись членами президиума УГВР, причем “Р. Волошин” должен был быть главным секретарем внутренних дел.

В таком направлении выступали они оба 5.8.44 года на присяге трех сотен УПА в лесу возле с. Свидник, которую я описал в №1 “Повстанцы” под заголовком “Незабутни хвилыны” (незабываемые минуты).

После проведения присяги “Володымир” ушел в направлении [г.] Турки, откуда должен был направиться за границу, но куда именно для меня неизвестно.

Р. Волошин имел свою охрану в 30 человек. С ним я встречался еще несколько раз во время нахождения фронта в Карпатах.

Во время этих встреч я два или три раза наводил Р. Волошина на разговор об УГВР, но последний отвечал на мои вопросы вообще, говоря, что УГВР это очень важное дело, ибо в ней объединились представители важнейших украинских националистических организаций как “УНДО” (Украинское Национально-Демократическое Объединение), “УНР” (Петлюровцы), “ОУН” и видные беспартийные украинские граждане, поэтому есть основание полагать, что к платформе “УГВР” присоединятся и те украинские круги, которые еще до сих пор не знают о создании “УГВР”.

Дальше Р. Волошин сказал мне, что “УГВР” пока что будет действовать за границей, ибо там есть возможность свободнее поворачиваться, чем на родной земле, что УГВР через него будет иметь постоянную связь с краем.

На мои вопросы, кто именно, что за люди (их фамилии) создают УГВР, — Р. Волошин ответил, что дело требует, чтобы их имена были строго засекречены и только тогда, когда в этом будет крайняя необходимость, правдивость существования УГВР подтвердят своими настоящими фамилиями один-два члена президиума УГВР, а пока что УГВР будет выступать без подписей и больше ничего об УГВР от Р. Волошина я не узнал, также он мне ничего не сказал о своем положении в УГВР, а самому мне расспрашивать детально (после его заявления о засекреченности УГВР) было как-то неудобно.

Вопрос: Почему именно Вы, а не кто либо другой, начал освещать в оуновской литературе вопрос о создании УГВР ?

Ответ: В ноябре мес. 1944 года в с. Юшковцы, Ново-Стрелищанского района, Дрогобычской области, я имел разговор с работником референтуры пропаганды центрального провода ОУН — “Евшаном”²⁶ (убит войсками НКВД) по вопросу материалов для журнала “Повстанец”, где “Евшан” мне посоветовал, чтобы в первом номере поместить статью “Единый политический провод соборной Украины”. Соглашаясь на предложение “Евшана” я в свою очередь просил его, чтобы указанную статью написал он, но “Евшан” сослался на отсутствие у него времени и писать статью отказался, и между тем дал мне для этой статьи отпечатанные материалы:

1. Платформу УГВР и

2. Универсал УГВР и обещал написанную мной статью откорректировать.

Из разговоров с “Евшаном” и указаний, которые он мне дал для этой статьи, у меня сложилось впечатление, что он об УГВР знает больше, чем я, ибо он уже знал и структуру УГВР, которой я тогда еще не знал.

После того, как статья была мною написана, я ее передал “Евшану” для корректировки, а последний, имея кой-какие сомнения, в свою очередь передал “Зруб” и “Галине”, появившимся в то время в этой местности.

“Зруб” и “Галина” долго спорили над этой статьей, собственно над тем, является ли УГВР единым политическим проводом, ибо где же тогда ОУН.

Когда я показал им то, что написано в платформе УГВР, они прекратили дискуссию и “Зруб” дал согласие на издание статьи.

Месяцем позже “Зруб” поручил мне написать комментарии к изданиям УГВР: структура УГВР, воззвание УГВР (к украинцам за границей) для восьмого номера журнала “Идея и Чин”, причем конец этих комментариев (выводы) написал сам “Зруб”.

Вопрос: Вы уклоняетесь от прямого ответа о своей принадлежности к УГВР. Следствие располагает данными о том, что Вы являлись членом президиума УГВР и, как официальный ее представитель, вели переписку с и.о. командира УПА “Т.Чупринкой”-Шухевичем. Следствие требует дать правдивые показания о Вашей принадлежности к УГВР?

²⁶ “Евшан” — Йосип Позичанюк, член УГВР і керівник Пресового бюро УГВР.

Ответ: Членом президиума УГВР, а равно и вообще членом УГВР я никогда не был. Что касается моей переписки, как члена президиума УГВР с командиром УПА — “Т. Чупринкой”, то по этому поводу я могу показать следующее:

В марте мес. 1945 года и.о. главного командира УПА “Тарас Чупринка” — “Тур” — Шухевич Роман, будучи в селе Девятники, НовоСтрелищанского района, Дрогобычской области, обратился ко мне со следующим предложением: он сказал, что ввиду военных действий он на протяжении 2-х месяцев не имеет связи с членами президиума УГВР, находящимися за границей, и что ему необходимо разрешить с последними некоторые вопросы, а именно вопрос награждения некоторых участников УПА и повышение их в воинских званиях, чтобы потом отдать об этом приказ по УПА. При этом “Т. Чупринка” добавил, что можно было бы обойтись без официального решения УГВР по этому вопросу, но у него шеф штаба “Перебейнос” — “Палий” ужасный формалист и требует соблюдения подобных официальностей, и что он хотя и имеет полномочия от президиума УГВР, но тем не менее ему самому для себя же, как командира УПА — это представление и его утверждение делать неудобно. Поэтому он просит и уполномочивает меня подписать, т.е. утвердить от имени президиума УГВР его представление, что это мое утверждение будет временным, а когда он свяжется с действительными членами президиума УГВР, то он это решение оформит. На такое предложение я “Т. Чупринке”, как своему “зверхнику” возразить не осмелился, хотя и знал, что этого делать я не имел права, как не являющийся членом президиума УГВР.

В этой же беседе “Чупринка” разговорился со мной и присутствовавшим “Зрубом”. Он сказал, что в июне-июле 1945 года должен будет состояться 2-й сбор УГВР и поскольку в крае нет членом президиума УГВР, то он внесет предложение об избрании меня членом президиума УГВР и тем самым будет обеспечено представительство УГВР в крае.

Вопрос: Где намечалось проведение 2-го съезда УГВР?

Ответ: Предполагаемого места сбора съезда “Чупринка” не назвал, но я лично думаю, что где-то за границей.

Вопрос: Продолжайте ваши показания?

Ответ: В конце апреля мес. 1945 года ко мне в село Девятники явился и.о. шефа ГВШ “Перебейнос” — “Палий”, который

лично сам у меня же в “краивке” отпечатал на пишущей машинке письмо и по поручению “Т. Чупринки” вручил мне.

Письмо было адресовано: УГВР — вручить Выровому. В нем излагалось все то, о чем говорил мне “Т.Чупринка”.

Прочитав письмо, у меня появилось сомнение, можно ли давать на него просимый ответ, поэтому я решил посоветоваться со своим “зверхником” — “Р.Шелестом”, последний рассеял мои сомнения, говоря, что это дело “Т.Чупринки” и я только формально выполняю его поручения, и что он впоследствии разрешит этот вопрос с УГВР, так как он разрешал таким образом даже более важные дела.

В результате, я там же в “краивке” написал для “Перебейноса” просимое “утверждение”. Письмо напечатала на машинке машинистка референтуры пропаганды центрального провода — Юрчак Мария Павловна. Оно мною адресовалось: “До ГВШ”.

В.М.П. (в місці постою) (ставка) и имело примерно следующее содержание.

Внесенные и. о. главного командира УПА награждения и повышения в званиях — президиум УГВР признает и утверждает, дальше следовал список лиц, представлявшихся к награждению и повышениям в званиях, в письме было перечислено, кажется, 10 псевдонимов награждаемых и 2 псевдонима лиц повышаемых в званиях — последними были: полковник “Гончаренко” — которому присваивалось звание “Генерал-хорунжего” и поручик “Поль”, которому присваивалось звание “майора”.

Большинство награждавшихся и оба повышаемые в званиях были убитые войсками НКВД, они награждались посмертно.

Письмо было мною подписано:

“За президиум УГВР” Ор. Выровый.

Должен сказать, что мой псевдоним “Выровый” и приставка “Ор” должна означать, что это письмо я подписал по поручению “организационным порядком”. Указанное письмо я лично вручил и. о. шефа ГВШ “Перебейносу”, а две его копии вместе с письмом “Перебейноса”, адресовавшимся на мое имя, я оставил у себя, которые и хранились в “краивке” до моего задержания.

Это был единственный первый и последний случай такого временного “формального решения” дела, которое не входило в мои компетенции.

Я единственный раз дался уговорить себя подписать такое письмо, выполняя желания моих начальников “Т. Чупринки” и “Р. Ше-

леста” и то только до того времени, пока “Т. Чупринка” не решит этот вопрос положенным путем.

Вопрос: Кем было подписано письмо, которое вручил Вам “Перебейнос”?

Ответ: Как я уже показал, письмо, врученное мне “Перебейносом”, было напечатано лично им. В конце письма было напечатано: “В. И. головного командира УПА” — “Т. Чупринка”, и ниже этого было написано чернилами рукой “Перебейноса”: верно. В.И. шефа ГВШ — “Перебейнос”.

Вопрос: Почему Вы свое ответное письмо адресовали “До ГВШ”, а не “В.И. головного командира УПА” “Т. Чупринка”?

Ответ: Я это сделал так потому, что “Т. Чупринка” говорил мне, что этого требует шеф ГВШ — “Перебейнос”.

Вопрос: Что известно Вашему брату Дужему Петру — “Аркадию” в отношении Вашей переписки с “Чупринкой” в вопросе разрешения дел касающихся УГВР и о Вашем отношении к УГВР — вообще?

Ответ: Не утверждаю, но думаю, что в вопросе вышеназванной переписки между мной и “Чупринкой” “Аркадий” осведомлен, так как переписка оформлялась в “краивке”, где жил “Аркадий” и к тому же “Перебейнос”, получив от меня письмо, там же в “краивке”, уже на основании моего письма, печатал приказ (№ 2/45) по УПА.

Находился “Перебейнос” в нашей “краивке” примерно дня три-четыре.

Вопрос: Последнее время Вы по какому адресу проживали в городе Львове?

Ответ: Последнее время, т.е. в период немецкой оккупации города Львова и до момента моего ухода в УПА (июль 1944 года) я проживал по адресу ул. Рынок № 10, кв. 38 (бывшее здание Просвиты).

Вопрос: Кто были ваши квартиро-хозяева?

Ответ: Хозяином квартиры был Ивасик Иван Иванович, в то время он работал возчиком в отделе культурного труда УЦК.

Вопрос: Назовите членов семьи Ивасика?

Ответ: Жена Ивасика — Мария и дочь Ярослава, 1927 года рождения, учащаяся.

Вопрос: Находясь в подполье, какую связь Вы поддерживали с семьей Ивасика и как осуществляли эту связь?

Ответ: Связи с указанной семьей я после своего вступления в УПА не имел, к тому же должен сказать, что семья Ивасика в апреле 1944 года из города Львова выехала в село Бродки (27 км. от Львова в сторону города Стрий) к брату Ивасика, как последнего имя, я не помню.

Вопрос: Вы говорите неправду. Следствию известно, что находясь в УПА, Вы поддерживали переписку по оуновской линии с семьей Ивасика?

Ответ: Я утверждаю, что после ухода в УПА с семьей Ивасика я никакой связи не поддерживал.

Вопрос: Прекратите запыраться, Дужий. Вам предъявляется “грипс” от дочери Ивасика — Ярославы на имя “Вырового”, т.е. на Ваше имя?

Ответ: Я признаю, что связь с семьей Ивасика в период своего нахождения в подполье я действительно поддерживал. Предъявленный мне “грипс” действительно был получен мною от дочери Ивасика Ярославы.

Вопрос: Назовите лиц, через которых Вы осуществляли свои организационные связи?

Ответ: Эти связи я осуществлял через разных лиц, ходивших в город Львов на базар, кто они — я не знаю.

Вопрос: Вы продолжаете говорить неправду. Вам известен псевдоним “Степова”. Кому он принадлежит?

Ответ: Вынужден признать, что “Степова” являлась моим связным и находилась в подчинении Юрчак Марии Павловны.

Вопрос: Назовите фамилию и адрес местожительства “Степовой”?

Ответ: Фамилию и местожительство “Степовой” я не знаю, мне только известно, что она связывала референтуру пропаганды центрального провода ОУН с городом Львовом. Какие конкретные задания выполняла “Степова”, я также не знаю.

Вопрос: Вы правильно назвали фамилию своего квартиро-хозяина — Ивасик?

Ответ: Да, правильно.

Вопрос: Уточните, где же находится семья Ивасика?

Ответ: Я первоначально показал, что Ивасик со своей семьей из города Львова выехал в с. Бродки, на самом деле это не так. Ивасик со своей семьей в село Бродки выезжал только на время прохождения фронта, а после прохождения фронта вернулся в город Львов и проживает сейчас по адресу Рынок 10, кв. 38.

Вопрос: Какое положение в ОУН занимал Ивасик Иван и его дочь Ивасик Ярослава?

Ответ: Как Ивасик Иван, так и его дочь Ивасик Ярослава членами ОУН не являются и никакой организационной деятельности не проводили.

Вопрос: Где же логика, Дужий? Ведь Вас Ивасик Ярослава в своем письме называет не настоящей вашей фамилией, а по организационному псевдониму “Выровый” и само письмо имеет установленную форму “грипса”. Как то, так и другое может быть известно только участникам оуновского подполья, связанным между собою деловыми узами. Уже одни только эти обстоятельства говорят о том, что Ивасик Ярослава является членом ОУН. Почему же Вы это отрицаете?

Ответ: Я подтверждаю, что переписку с Ивасик Ярославой я вел не как с членом ОУН, а как с дочерью своего квартирохозяина, с которым я был в очень близких и хороших отношениях. Что касается того, что Ивасик Ярослава в своем “грипсе” называет меня не по настоящей фамилии, а по псевдониму, то об этом ей было мною сказано, так как иначе при пользовании оуновской связью я поступить не мог, в противном случае я был бы расконспирирован.

Вопрос: В письме на Ваше имя “Выровой” и в письме на имя Вашего брата Дужего Петра, которого Ивасик Ярослава называет “Вячеслав”, последняя ведет речь о книгах и деньгах.

Расскажите следствию, какие книги она была намерена была Вам выслать и какие деньги Вы ей пересылали и через кого?

Ответ: В гор. Львове, в квартире Ивасика, осталась принадлежащая мне и моему брату библиотека, насчитывающая примерно до 1000 книг. Вот об этих книгах и писала Ивасик Ярослава; что касается пересылки денег, то деньги нами пересылались Ивасику для дальнейшей пересылки нашей матери, находящейся в высылке в гор. Актюбинске.

Деньги мы пересылали дважды: первый раз посылали 2200 рублей через связную “Дарку” — “Лиду”. Это было в конце января 1945 года. Из этой суммы 1000 рублей предназначались, как я уже сказал, матери, а тысячу двести рублей предназначались для семьи Ивасика, из которых они должны были произвести расходы по переводу первой тысячи рублей, а остальное обратить в свое пользование.

Второй раз в первой половине апреля мес. 1945 года я с

48

Секрет

1948

Почему в предопределении о моем награждении "бронзовым крестом заслуги" сказано, что "за трица в часі від польскої окупації" я не з'явив і сам не по- нимаю такої формулювання, так як в неї не видно о якої саме окупації йде реч.

Позовання с всіх слів запроводи правильно, мною прочитана чом і респективна. Бувар, -

Долгос обичає 1/7/48 в 1948.000.

Долгоски Зам. Нач. Студенция Студенция
Капитан Остава

братом Петром, через Юрчак Марию, переслали Ивасику 3000 руб- лей, из которых 2000 рублей Петр посылал для пересылки опять- таки находящейся в высылке брата жене, а тысячу рублей я от себя посылал Ивасик Ярославле.

Вопрос: Пересылаемые Вами деньги Ивасик Ярославле являлись вознаграждением за ее работу в ОУН?

Ответ: Нет, это не являлось вознаграждением за работу в организации, а просто была материальная помощь, как своим близ- ким знакомым.

Вопрос: Назовите фамилию и место нахождения связной "Дар- ки" — "Лиды"?

Ответ: Ни фамилии, ни откуда происходит “Дарка” — “Лида” я не знаю. Находилась она в селах Юшковцы, Ятвяги, Голдовичи и др. Н. Стрелищанского района, последний раз я ее встречал в мае мес. в с. Юшковцы.

Вопрос: Знала ли семья Ивасика о том, что Вы являлись участником УПА и находились на нелегальном положении?

Ответ: Я лично им по этому поводу ничего не говорил, но думаю, что они догадывались о том, что я нахожусь на нелегальном положении.

Вопрос: На предыдущем допросе Вы показали, что членом ОУН Вы являетесь с июля 1941 года. Следствие же располагает данными о том, что Вы являетесь членом ОУН с более солидным стажем и за свою долготелную работу в военных изданиях УПА Вы были награждены командованием УПА “бронзовым крестом заслуги” (приказ по ГВШ от 25.IV.45 года за № 1/45)?

Ответ: Я подтверждаю ранее данные мною показания и утверждаю, что в члены ОУН я вступил в июле месяце 1941 года.

Почему в представлении о моем награждении “бронзовым крестом заслуги” сказано, что “за працю в часі від польської окупаці[і]”, я не знаю и сам не понимаю такой формулировки, так как в ней не видно, о какой именно оккупации идет речь.

Показания с моих слов записаны правильно, мною прочитаны, в чем и расписываюсь.

Дужий. —

[М. Дужий]²⁷

Допрос окончен 1 VIII в 18 ч.00 м.

Допросил Зам. Нач. Отделения Следотдела [...] ^{28q}
Капитан Юстиции (Зазимко)

* * *

²⁷ Власноручний підпис. Ним підписані також інші сторінки протоколу.

²⁸ Власноручний підпис (нечіткий).